

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ИЗУЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ У МАЛЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ

Для исследователей общественных отношений в доклассовый и раннеклассовый период несомненный интерес представляют племена и народности, населяющие крайний северо-восток Индии — горные районы Ассама, штат Нагаленд и частично Манипур (бывшее княжество). Это гаро, кхаси, микиры (горы центрального Ассама), куки-чины (горы южного Ассама и Манипура), нага (Нагаленд и соседние горные районы Манипура), ряд народностей, занимающих ассамские предгорья Гималаев¹. Горы Ассама и Нагаленда, вместе с соседними горными областями Бирмы и Индокитая, являются местом переплетения многочисленных языков, рас, культур. Подобная этническая пестрота — довольно обычное для пограничного горного района явление. На протяжении многих веков волны последовательных миграций прокатывались по этим территориям; при этом на плодородных равнинах и в долинах рек каждая последующая волна или частично поглощала предшествующую, или отодвигала на периферию, или сама растворялась в ней. Таким образом, здесь в силу географических условий из разнородных по происхождению элементов синтезировались крупные этнические общности с отдельными вкраплениями меньшинств. Древние пласты сохранялись в них чаще всего лишь как одна из абсорбированных и растворившихся составных частей в новой сформировавшейся народности.

Иное дело — в горных районах. Сюда оказывались оттесненными осколки многих популяций (мон-кхмеров, различных потоков тибето-бирманцев), которые сохранялись здесь в силу естественной географической изоляции. Эта картина очень наглядно представлена на этнографической карте: среди обширных однотонных поверхностей — «лоскутные одеяла» горных районов.

Особенности исторического развития малых народов Северо-Восточной Индии связывают их со многими этногенетическими и культурными процессами и явлениями за пределами Индии, в Восточной и Юго-Восточной Азии. Такие вопросы, как монкхмерская проблема (кхаси — единственный в Индии осколок древнего монкхмерского племени), направления и пути древних миграций тибето-бирманцев, ранние контакты народов в ходе этих миграций являются общими для Ассама и Юго-Восточной Азии. Возможно, в исторических судьбах народов следует искать причины складывания разных форм родовой организации у отдельных ассамских племен, там же, быть может, лежит ответ на одну из загадок азиатского континента: в чем причина удивительного сходства материальной культуры и антропологического типа ассамских нага и даяков с индонезийского о-ва Калимантан при разной языковой принадлежности и при поразительных для народов, стоящих на одном уровне развития, различиях в формах социальных институтов у нага до сих пор сохраняется, хотя и на стадии разложения, родо-племенная структура, у даяков же не сохранилось ни малейших ее признаков и уже в начале нашего века была зафиксирована полная билатеральность? Это имеет прямое отношение к дальнейшему развитию социальных форм, но вопрос этот в высшей степени труден для решения и требует комплексного подхода, т. е. привлечения материалов по всем народам Юго-Восточной Азии с использованием данных истории, этнографии, археологии, антропологии, лингвистики.

¹ С. А. Болдырева (Маретина) и Н. Р. Гусева, Народы Ассамских гор, «Народы Южной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963, стр. 483—507; С. А. Маретина, Малые народы Ассама (этнический состав), «Страны и народы Востока», вып. V (Индия — страна и народ), М., 1967.

К сожалению, письменные источники, которые содержали бы ранние сведения по общественному строю восточноиндийских национальных меньшинств, отсутствуют. Сами рассматриваемые народы своей письменности не имели, индийцы познакомились со своими восточными соотечественниками лишь в прошлом веке (мы имеем в виду более или менее достоверные сведения о горных народах). Старые индийские литературные памятники в лучшем случае содержат эпизодические упоминания об этих отдаленных, для самих ариев экзотических народах. Первыми письменными источниками по данному району являются исторические хроники на языке пали — так называемые бураджи. Они принадлежат ахомам — представителям бирманских шанов, которые с XIII в. появились в Ассаме; этим же временем датируются и их хроники, а также сохранившиеся медные блюда со списками ахомских раджей². Хроники эти для нас практически недоступны: мы не располагаем их публикациями, а те фрагментарные данные, которые приводятся в некоторых работах европейских исследователей, касаются исключительно фактов политической истории и не имеют отношения к рассматриваемой теме.

Первые более или менее систематические сведения о малых народах Ассам (Нагаленд как особый штат тогда не существовал) и их общественной организации появились лишь в середине прошлого века, после аннексии британскими колонизаторами Ассам (1826 г.). Таким образом, возможности исследования по письменным источникам очень ограничены, что крайне затрудняет анализ развития общественных институтов у малых народов. Здесь «помогает» консервативность уклада их общин, в результате которой многие старые формы социальной организации сохранялись на протяжении многих веков. Фактически изоляция горных народов стала нарушаться лишь в конце прошлого века, когда проникновение товарно-денежных отношений, а также усиление контактов с населением равнин стало форсировать и искажать естественный путь развития социальной структуры малых народов Ассамских гор. Поэтому те данные, которые зафиксированы авторами в конце XIX и на рубеже XX в., позволяют бросить ретроспективный взгляд на развитие традиционных общин и являются исходным пунктом для констатации дальнейших изменений социальных форм.

Вся литература по социальной организации малых народов Северо-Восточной Индии может быть подразделена на две основные тематические (отчасти и хронологические) категории: работы описательные, содержащие конкретный фактический материал по этнографии рассматриваемых народов, и работы исследовательские, дающие теоретическое объяснение отдельных институтов и явлений общественной структуры. Естественно, первый этап составляли описания, с которых начинается любое этнографическое изучение.

Первые более или менее систематизированные описания, содержащие, среди прочих материалов, отдельные сведения по социальной структуре малых народов Ассам, принадлежали главным образом перу английских авторов, как правило, связанных с административным аппаратом Британской империи. Это — свидетельства очевидцев, которые, находясь на британской государственной службе, давали первую практическую информацию о положении в том районе, управление которым они должны были организовать. Таковы работы Э. Дальтона³, В. Ходгсона⁴ и некоторые другие. Эти первые исследователи Ассамских гор оказались в крайне сложных условиях: дикие, поросшие лесами горы, незнакомые не только европейцам, но и большинству индийцев; множество племен, настроенных чаще всего враждебно по отношению к иноземцам, племен, говорящих на разных языках, отличных как от индоевропейских, так и от дравидийских; полное отсутствие каких-либо предварительных сведений относительно их численности, взаимоотношений, обычаев и т. д. К тому же большинство авторов не имело достаточной специальной научной подготовки. Естественно поэтому, что первые работы представляли собой не более чем попытки хоть как-то разобраться в том сложном конгломерате народов, с которыми столкнулись европейские завоеватели.

Эти и многие другие трудности сказались на характере первых работ: чаще всего они посвящены не одному народу, а всем тем народам, которые встретились автору. Работы носят сугубо описательный характер и очень фрагментарны. Приводятся все сведения, которые удалось собрать автору, без какого-либо отбора, отсутствуют специальные разделы по отдельным темам. Наибольшее количество сведений относится к материальной культуре и религиозным воззрениям и обрядам. Наименее удовлетворительно в них освещена социальная организация, ибо даже для простого описания ее требуется более длительное знакомство с народом. Так, постоянно подчеркивается «дикость» ассамских племен («wild tribes»), отсутствие у них каких-либо законов и власти (каковым представляется первым авторам коллективизм управления у горных

² L. Shakespeare, History of Upper Assam, Upper Burmah and N.-E. Frontier, London, 1914.

³ E. Dalton, Descriptive ethnology of Bengal, Calcutta, 1872.

⁴ W. H. Hodgson, Essay the first; on the Kocch, Bodo and Dhimal tribes, Calcutta, 1847.

племен). Приводятся отдельные черты и явления, которые поразили внимание авторов своей необычностью, например материнское право, многоженство, охота за головами.

Вместе с тем уже в этот ранний период освоения Ассамских гор делаются первые попытки не только зафиксировать увиденное, но и наметить этнические связи между отдельными племенами; примером тому служат труды А. Бастиана — видного немецкого этнографа, одного из немногих неанглийских исследователей Ассама этого периода. В своей работе, посвященной народам бассейна Брахмапутры и ее притоков⁵, Бастиан при сопоставлениях привлекает и отдельные элементы общественной организации у различных народов. В целом же все эти ранние работы, при всей поверхностности заключенных в них сведений, необходимы были для дальнейших исследований в этой области: лишь после такого рода описаний стал возможен следующий этап — переход к изучению отдельных народов.

Описания монографического типа, посвященные конкретным народам, стали появляться в основном уже в начале XX в. Авторами этих первых монографий являются либо, как и раньше, чиновники британской колониальной администрации (А. Плейфэр, П. Гёрдон, Л. Шекспир), либо сотрудники различных христианских миссий (С. Эндл). Причина этого в тех трудностях, которые по-прежнему подстерегали исследователей в Ассамских горах. Речь идет как о труднодоступности этих мест в условиях лесного бездорожья, так и о политической напряженности. Отношения английских властей и местного населения носили отнюдь не мирный характер; поэтому непосредственное общение с горными племенами было возможно лишь для ограниченного числа европейцев.

Объектами первых монографий являлись народы, географически более доступные — гаро (работа А. Плейфэра)⁶, кхаси (книга П. Гёрдона)⁷ — самые западные племена центральной горной гряды Ассама, за ними — куки-чины (работа Дж. Шекспира)⁸ и др. Эти работы представляют собой несравненно более упорядоченные описания, чем первые сводные записи, хотя описательная сторона продолжает преобладать. Но уже был завершен труд Дж. Грирсона «Лингвистический обзор Индии» (1904)⁹, в котором на высоком научном уровне была дана систематизация всех языков Индии, включая и тибето-бирманские и монкхмерские языки Северо-Восточной Индии (следует сказать, что в отношении интересующего нас района труд Грирсона до наших дней остается основополагающим во всех вопросах лингвистической и этнической классификации народов). Таким образом, появилась возможность выделить для исследования вполне четкие этнические единицы. В самих монографиях материал систематизировался по определенным тематическим разделам, причем порядок самих разделов приобретает фиксированный характер. Так, появляются специальные главы, посвященные «законам и обычаям», где дается описание особенностей родовой и семейной организации.

Подход к проблемам общественного строя у всех народов типичен для буржуазной этнографии и выражается в односторонности исследования, в отрыве социальных институтов от экономических отношений и в пренебрежении этими последними. Вся система производственных отношений описывается вне поля зрения авторов. Таким кардинальным вопросом социальной организации землевладельцев как формы земельной собственности уделяется незначительное внимание. Преобладает материал по сохраняющимся первобытнообщинным отношениям, особенно, по материнскому роду (у гаро и кхаси), а также сведения по вопросам семьи, брака, наследования. Однако и в этих вопросах много неточного: например, матрилинейная группа «мачонг» у гаро, по словам Плейфэра, имеет тотемистическое происхождение, а несколькими строками раньше тот же автор утверждает, что мачонг «раньше был семьей»¹⁰. В целом по рассматриваемым работам характер общины представляется неясным: приводимые материалы говорят в основном о родовых институтах, а отдельные вскользь упомянутые факты указывают на соседскую форму общинной организации. Однако каковы бы ни были недостатки первых монографических описаний ассамских племен, эти работы и сейчас остаются единственными общими описаниями данных народов и продолжают служить основным источником информации для исследователей, обращающихся к рассматриваемому району. Материал этот далеко не полный, к тому же в значительной мере устарел, и поэтому нуждается в критическом подходе.

Лишь в 20-е годы начинается систематическое монографическое изучение самых восточных обитателей Индии — нага. Одновременно продолжается исследование других народов, в частности группы куки-чин. Это работы Т. Даса, Н. Пэрри, А. Мак-

⁵ A. Bastian, *Völkerstämme am Brahmaputra und verwandtschaftliche Nachbarn*, Berlin, 1883.

⁶ A. Playfair, *The Garos*, London, 1909.

⁷ P. R. Gordon, *The Khasis*, London, 1914.

⁸ J. Shakspear, *The Lushai Kuki clans*, London, 1912.

⁹ G. A. Grierson, *Linguistic survey of India*, Calcutta, 1904.

¹⁰ A. Playfair, Указ. раб., стр. 65.

кола¹¹ и др. Опыт первых монографий не прошел даром. Был накоплен значительный материал по многим народам, была выработана определенная методология этнографического описания, была определена в общих чертах историческая роль основных народов в этническом развитии северо-восточной горной области. Все это обусловило значительно более высокий научный уровень этой серии работ, которые представляют собой как бы следующую ступень в описании горных народов Ассама. Наиболее показательны в этом отношении работы по нага. В течение нескольких лет выходит серия превосходных монографий, которая охватывает группу основных народностей нага. Это книги Дж. Хаттона по ангами и сема нага, Дж. Милла о лхота, ао и ренгма, У. Смита об ао, К. фон Фюрер-Хаймендорфа о восточных нага¹² и др. Перечисленные авторы — уже не просто колониальные чиновники, а видные специалисты-этнографы, перу которых принадлежат многие научные труды по данному региону; при этом Дж. Хаттон в течение многих лет возглавлял Отдел этнографии при ассамском правительстве.

Монографии о нага построены по четкому, единому в основных чертах плану: введение — домашняя жизнь (понимаемая широко — сюда включается и материальная культура и хозяйство) — законы и обычаи (т. е. политическая и социальная организация) — религия. Серию отличает полное единодушие взглядов авторов отдельных монографий. Это впечатление усиливается тем, что крупнейший специалист по нага, автор многочисленных работ по этнографии Индии Дж. Хаттон написал для большинства этих работ вводные разделы, которые дают общую историческую основу для изучения современной этнографии нага. Эти введения как бы объединяют отдельные книги в некий коллективный многотомный труд. Авторы работали в постоянном контакте, изложение материала сопровождалось аналогиями и ссылками на факты из этнографии других нага. Все это позволяет составить общую картину культуры нага, включая даже тех, о которых нет специальных работ: авторы, особенно Дж. Хаттон, приводят многие сведения, которые выходят за рамки описываемого ими народа, привлекают большой сравнительный материал. Разделы, посвященные социальной организации, дают детальный, в отдельных случаях исчерпывающий материал по системе экзогамных группировок и взаимоотношений отдельных родовых групп, на большом фактическом материале разбираются вопросы семьи и брака. При отмеченном единстве плана особенно ярко и наглядно вырисовывается сходство многих институтов нага и общей схемы их организации (следы дуальной организации с последующим дроблением на три изначальных рода, социальная неравноценность этих древних родов и др.), и на этом фоне ярко выступают отдельные специфические детали (например так называемые соответственные роды — «corresponding clans» — у некоторых групп нага, или своеобразная система возрастных классов, характерная для общества ао нага, или, наконец, культ вождей у коньяков). Для всей системы экзогамных подразделений приводятся местная терминология.

При всех несомненных достоинствах описываемых монографий методологические недостатки, отмеченные для более ранних работ, и здесь дают себя знать. По-прежнему социальная надстройка описывается вне связи с экономическими процессами в обществе, поэтому ускользает динамика развития общества, неясно соотношение родовых и соседских элементов в общине, да и сама община как таковая специально не описывается. Однако высокое научное качество работ проявляется в том, что приводимый конкретный материал — например по землевладению, обмену, связанный с экономическими функциями отдельной семьи, хотя и данный статично, позволяет читателю самому представить характер общины и проследить в ней процессы разложения не только родовых, но и соседско-общинных институтов.

Перечисленными монографиями ни в коей мере не исчерпываются этнографические описания нага. Существует еще много более кратких работ и статей, имеющих подобную же структуру и ставящих перед собой те же задачи — дать описание того или иного народа. Нет возможности в рамках журнальной статьи перечислить все эти работы, поэтому мы ограничимся лишь несколькими характерными примерами. Таковы, например, работа Х. Кауфмана о сангтамах, обобщающая статья о социальной и политической структуре нага К. фон Фюрер-Хаймендорфа¹³ и некоторые другие. В целом все отмеченные работы дают обильный конкретный материал по наиболее крупным горным народам Ассамских гор. Однако в настоящее время материал этот сильно

¹¹ T. D a s, *The Purums*.— An old Kuki tribe of Manipur, Calcutta, 1945; N. E. P a r g y, *The Lakhers*, London, 1932; A. G. M e c a l l, *Lushai chrysalis*, London, 1949.

¹² J. H u t t o n, *The Angami Nagas*, London, 1921; ег о ж е, *The Sema Nagas*, London, 1921; J. M i l l s, *The Lhota Nagas*, London, 1922; ег о ж е, *The Ao Nagas*, London, 1926; ег о ж е, *The Rengma Nagas*, London, 1937; W. S m i t h, *The Ao Naga tribe of Assam*, London, 1925; Ch. v o n F ü r e r - H a i m e n d o r f, *The naked Nagas*, London, 1939.

¹³ H. E. K a u f m a n n, *Kurze Ethnographie der nördlichen Sangtam Naga*. (Iophomi). Assam, «Anthropos», Bd. XXXIV, 1939; Ch. v o n F ü r e r - H a i m e n d o r f, *Staat und Gesellschaft bei den Naga*, «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1932, Hft. 1/3, S. 8—40.

устарел. Поэтому обращение позднейших авторов к данным этих монографий приводит к досадным недоразумениям. Примером могут служить данные о землевладении у лусеев, содержащиеся в брошюре Б. Вермы, посвященной земельным отношениям у ассамских народов¹⁴; эти данные, свидетельствующие об отсутствии у лусеев понятия собственности, почерпнуты Вермой у Шекспира (1912) и находятся в полном противоречии с фактами, содержащимися, например, у Пэрри (1932): классическая монография Шекспира отстала от современности более чем на пятьдесят лет.

Наиболее поздно началось этнографическое описание группы пригималайских народов Ассам. Монографические работы по этим народам, не такие исчерпывающие, как описанная выше серия, стали появляться в основном в последние десять — пятнадцать лет, уже после обретения Индией независимости. В последние годы, в связи с насущной необходимостью для правительства Индийской республики решить национальный вопрос, особенно проблему малых народов, интерес к североассамским племенам резко возрос. Сейчас целая группа этнографов работает над данной проблемой. Инициатором в изучении этой удаленной территории был выдающийся этнограф, исследователь племенных меньшинств Северо-Восточной и Центральной Индии Веррье Элвин¹⁵. В качестве авторов выступают главным образом молодые индийские этнографы, работники Антропологической службы Индии, которая в последние годы очень активизировала свою деятельность. Это Б. Шукла, Т. К. Баруа, С. Рой¹⁶ и др.

Очень важную роль в развитии знаний о пригималайских народах играет «Ваньяджати» — журнал, издающийся в Нью-Дели на двух языках — английском и хинди (статьи на этих языках, как правило, не дублируются). Это журнал этнографический по тематике и ставящий перед собой конкретные практические задачи, направленные на повышение благосостояния национальных меньшинств и развитие их материальных и духовных богатств. Здесь можно найти статьи по многим ассамским племенам, но наиболее интересны публикации по североассамским народам, которые в отношении социальной структуры зачастую содержат очень ценный материал, например статьи С. Роя, посвященные миши и ади¹⁷. Оценивая материал по общественному строю, который дают приведенные работы, не следует забывать, что это лишь первое слово о данных племенах. Преобладают сведения, касающиеся семьи и брачных правил, — описание порядка сватовства и заключения брака, домов юношей и девушек; в самом общем виде дается представление о родовых группах. Интересный материал из первых рук приводит С. Рой по родовым группировкам аборов и миши, но здесь возникает сложность из-за недостаточной разработанности специальной этнографической терминологии на хинди, в результате чего смысл определенного понятия или явления может оказаться не вполне ясным (например, в отношении термина — гогрантарвивахи паривар — экзогамная (?) семья).

Особое место в ряду отдельных изданий по североассамским племенам занимает книга К. фон Фюрер-Хаймендорфа об апа-тани¹⁸. Можно сказать, что Фюрер-Хаймендорф открыл эту небольшую народность, о которой раньше не было ничего известно, кроме названия и места обитания (и то неточного). Среди окружающих их полусоседских воинственных дафла апа-тани представляют собой удивительный оазис. Традиционные земледельцы, имеющие великолепные террасные поля, апа-тани живут сплоченными общинами, развитие которых, однако, зашло настолько далеко, что, например, купля-продажа у них достигла большей интенсивности, чем у какого-либо другого из ассамских народов. Это интереснейший пример автохтонного развития маленького народа, фактически оторванного (до недавнего времени) от общения с внешним миром, и тем не менее ушедшего далеко вперед по сравнению с их соседями — дафла, более многочисленными и имевшими более широкие контакты с окружающими народами. Сравнительно высокое экономическое развитие апа-тани сочетается с родовыми традициями, взаимопомощью, родовой сплоченностью, тоже более ярко выраженными, чем у большинства народов Ассам.

Представление о степени этнографической изученности горных народов Северо-Восточной Индии было бы неполным, если не упомянуть описания путешественников, путевые записки которых нередко содержат ценные сведения, касающиеся социального строя. Отметим из них книгу Г. Бертран о матрилинейных народах Ассам и

¹⁴ B. V. Verma, Agriculture and land ownership system among the primitive people of Assam, Delhi, 1956.

¹⁵ М. К. Кудрявцев, Доктор Веррье Элвин, «Страны и народы Востока», вып. V (Индия — страна и народ), М., 1967, стр. 106—110.

¹⁶ B. K. Shukla, The Dafla of the Subansiri region. Shillong, 1959; T. K. Baruah, The Idu Mishmis, Shillong, 1960; S. Roy, Aspects of Padam-Minyong culture, Shillong, 1960.

¹⁷ Shachin Rāy, Lohitvāsī mishmī, «Vanyajāti», 1958, vol. VI, p. 107—113; его же, Uttarpūrv simake adi, «Vanyajāti», 1958, vol. VI, № 2, pp. 68—76.

¹⁸ Ch. von Furer-Haimendorf, The Apa-Tanis and their neighbours, London, 1962.

работу У. Боуэр¹⁹, в которых содержится ценный этнографический материал по ряду народов горных районов, в том числе и малоизученным северным племенам. Этот материал интересен тем, что он наглядно иллюстрирует зафиксированные в научной литературе факты и тем самым свидетельствует об их сохранении (пример с действующим матрилинейным институтом у гаро в книге Г. Бертран и др.).

Наконец, необходимо отметить и такой важнейший источник информации по рассматриваемому сюжету, как публикацию монографической серии «Индийской переписи 1961 г.»²⁰. Это серия описаний, посвященных отдельным населенным пунктам северо-восточной горной области. Монографии содержат детальное описание всех сторон (материальной, социальной, духовной) жизни деревни, а также многочисленные иллюстрации, чертежи, схемы и, главное, подробные статистические данные. Трудно переоценить роль этих изданий, которые в своей совокупности наконец-то дадут надежную основу для самых широких специальных исследований общины у народов Северо-Восточной Индии.

После того как основные народы горного Ассамы были описаны, начался новый этап работы — углубление и уточнение материала, анализ отдельных институтов этих народов. Этот новый подход к изучению требовал обязательной основы в виде определенной массы накопленных сведений. Такого рода основа была заложена к 1930-м годам. К этому времени и относится начало публикаций исследовательского плана, продолжающихся и в наши дни. В центре внимания исследователей оказываются не народы в целом, а отдельные вопросы и явления, связанные с их организацией и культурой. Как правило, это не широкие теоретические исследования, а более или менее детальное рассмотрение какого-либо частного вопроса под определенным углом зрения. Чаще всего такому специальному разбору подвергаются отдельные особенности социальной организации. Действительно, в теоретическом плане социальная структура ассамских малых народов представляет немалый интерес, и этот материал должен быть введен в широкий научный оборот. В этом вопросе сама множественность народов, которая так затрудняет общее изучение северо-восточного горного района, дает неоспоримые преимущества. Здесь представляется возможность наблюдать, хотя и на протяжении ограниченного отрезка времени, различные моменты одной стадии развития общины, динамику смены социальных отношений. Елиная для всех малых народов этого района в настоящее время стадия соседской общины у разных групп существует на различных уровнях: у одних соседская община еще связана с родовыми институтами, у других развитая соседскообщинная организация существует при значительном разложении родовой структуры, наконец, есть народы, у которых и сельская община находится на стадии разложения и общество принимает отчетливо выраженный классовый характер. Для полноты картины следует добавить усиливающееся влияние окружающих народов, которое в разной степени дает себя знать в разных районах северо-восточной горной области²¹. Все это создает благодатное поле деятельности для исследователей общественного строя.

К сожалению, ассамский материал, содержащий множество интересных в общетеоретическом плане примеров, в мировой этнографии почти не фигурирует. Это относится как к собственно индийским, так и к зарубежным (европейским и американским), число которых в последние годы увеличивается) исследованиям. И советские этнографы практически почти не привлекают данные по общественной структуре ассамских племен в своих теоретических исследованиях. Можно назвать лишь имена Д. А. Ольдерогге, которому принадлежит исследование вопроса о трехродовом союзе с широким привлечением ассамских материалов²², и Н. А. Бутинова, который ссылается на указанные народы в своей работе, посвященной изучению истории общины²³. Между тем внимания теоретиков достойны дуальная организация у горных народов, брачные классы, формы кузенного брака, дома холостяков и связанная с ними система возрастных классов и т. д. Особую группу составляет комплекс вопросов, связанных с проблемами материнского рода. Все эти явления зафиксированы в рассматриваемом районе непосредственными наблюдателями, некоторые из них разобраны специалистами по индий-

¹⁹ G. Bertrand, *Secret lands where women reign*, London, 1958; См. рец.: «Сов. этнография», 1961, № 6; U. Bower, *Naga path*, London, 1951; еѐ же, *The hidden land Mission to a far corner of India*, London, 1953.

²⁰ «Census of India, 1961. Monograph series. Office of the Registrar General», India, New-Delhi.

²¹ Об этом подробнее см.: С. А. Маретина, *Община у горных народов Ассамы, «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии»*, Л., 1967, стр. 7—49.

²² Этому вопросу посвящена диссертация Д. А. Ольдерогге; по этой теме см. еѐ же, *Трехродовой союз в Юго-Восточной Азии*, «Сов. этнография», 1946, № 4.

²³ Н. А. Бутинова, *Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира, «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии»*, Л., 1967, стр. 168—191.

ской этнографии; следующим шагом должно быть вовлечение их в общетеоретический обиход.

Среди исследовательских работ особо следует выделить работу Р. Бёрлинга, посвященную социальной организации деревни гаро²⁴. Написанная на основе тщательного обследования одной деревни, в которой автор прожил два года, монография Бёрлинга дает интереснейший материал по ряду важных вопросов общинной структуры, таких как вопросы земельной собственности, деревенского самоуправления, внутреннего рынка и т. д. Вся сложная система межродовых и семейных связей гаро разобрана наглядно и всесторонне. При этом некоторые вопросы в книге поданы совершенно по-новому, творчески, например, о формальных, не совпадающих с фактическим владением, правах на землю, связанных с вопросами престижа, или об участии матрилинейной родовой группы в решении деревенских конфликтов. Пристальное внимание Бёрлинга к вопросам общинного производства делает его труд особенно ценным. Книгу Бёрлинга можно считать образцом новой формы монографического исследования, нацеленного на более углубленное изучение поставленных вопросов.

За исключением книги Бёрлинга, работы по различным аспектам социальной организации малых народов Ассама представляют собой отдельные статьи, периодически появляющиеся на страницах таких этнографических журналов, как «Anthropos», «Eastern Anthropologist», «American Anthropologist», «Man», «Man in India», «Zeitschrift für Ethnologie», а также единичные брошюры или главы в общих работах. Нет возможности перечислить даже основные из этих статей (их насчитывается не один десяток), хочется отметить лишь основные направления этих исследований, дать им общую оценку.

Прежде всего, в большей части работ преимущественное внимание по-прежнему уделяется отдельным явлениям и институтам родовой организации, или же относящимся к сфере семейно-брачных отношений. Можно назвать лишь единичные работы, затрагивающие социально-экономические вопросы общинной организации. Такова уже упоминавшаяся выше небольшая книжка Б. Вермы, глава по гаро (12 стр.) в работе Р. Бёрлинга, посвященной горным земледельцам-рисоводам материковой Юго-Восточной Азии²⁵, или подробная статья Х. Кауфмана о хозяйстве горных народов Ассама и Бирмы, где имеются отдельные замечания и о характере земельной собственности у них²⁶. Вопросы общинной экономики в этих работах занимают самое скромное место и дают мало нового по сравнению с материалом общих описаний народов. В 1956 г. была опубликована интересная статья советского историка Б. А. Калягина, посвященная хозяйственному укладу и формам собственности у нага²⁷. В целом же социально-экономическая основа общественной организации горных народов не исследуется, а ведь именно эта основа является исходным моментом для определения уровня развития общины²⁸.

Другая особенность рассматриваемой категории работ заключается в том, что огромное большинство поднятых в них вопросов имеет отношение к народам с матрилинейной организацией или непосредственно к проблеме материнского рода. Преобладание такого рода работ бросается в глаза даже при самом поверхностном знакомстве с библиографией по горным народам. Среди многих десятков малых народов Ассамских гор только два — гаро и хаси сохраняют матрилинейную структуру, тем не менее пристальное внимание исследователей привлечено именно к ним. Это не значит, конечно, что патрилинейные народы полностью игнорируются исследователями. Можно назвать ряд публикаций по нага, своеобразный итог которым подводит статья неоднократно упоминавшегося нами Дж. Хаттона²⁹. В этой статье крупнейший знаток этнографии нага, обобщая свой многолетний опыт, выносит за скобки общие для всех нага особенности их социальной и политической организации. Отдельные статьи появляются и по другим племенам, имеющим отцовское право. Вместе с тем основное внимание исследователей привлекают именно матрилинейные народы. Показательно, что даже у нага с их ярко выраженной патрилинейностью именно матрилинейные черты, очень немногочисленные у этого народа, становятся предметом специального исследования³⁰.

²⁴ R. Burling, Rengsanggrri. Family and kinship in a Garo village, Philadelphia, 1963.

²⁵ R. Burling, Hill farms and paddy fields, Englewood Cliffs, New Jersey, 1965.

²⁶ H. E. Kauffmann, Landwirtschaft bei den Bergvölkern von Assam und Nord-Burma, «Zeitschrift für Ethnologie», 1934, Bd. 66, Hft. 1.

²⁷ Б. А. Калягин, Хозяйственный уклад и формы собственности племен нага, «Народы Азии и Африки», 1965, № 1, стр. 87—92.

²⁸ С. А. Маретина, Община и вопросы землевладения у народов Ассамских гор, «Народы Азии и Африки», 1966, № 3, стр. 51—60.

²⁹ J. Hutton, The mixed culture of the Naga tribes, «The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1965, vol. 95.

³⁰ К. М. Карадия, The matrilineal social organisation of the Nagas of Assam, Bombay, 1950.

Интерес исследователей к народам, сохраняющим материнский род, не случаен. Тот факт, что два соседних народа — гаро и кхаси, не родственные между собой и даже принадлежащие к разным языковым семьям, сохраняют матрилинейную организацию (при наличии весьма существенных различий во многих сферах культуры), представляет широкие возможности для сравнительного анализа институтов материнского рода; наличие же в непосредственном соседстве ст них большой группы патрилинейных народов (тибето-бирманцев, как и гаро) позволяет поставить вопрос о причинах, вызвавших это различие в филиации родственных народов. За частными вопросами истоков матрилинейной структуры гаро и кхаси, сходства и различий матрилинейных институтов у обоих народов встает общая проблема материнского рода и соотношения его с отцовским. В таком общетеоретическом плане интересует ассамский материал Р. Гейне-Гельдерна, который привлекает его в своих интересных, но спорных этногенетических исследованиях, типичных для культурно-исторической школы, где он связывает материнское право с мон-кхмерами³¹. Широко представлен материал по гаро и кхаси у О. Эренфелса, специально занимавшегося проблемами матрилинейных народов Индии³². На основании сравнительного анализа матрилинейной структуры гаро и кхаси Эренфелс приходит к выводу о неоригинальном, заимствованном характере матрилинейных институтов гаро и склонен объяснять их существование влиянием соседних кхаси. При всей оригинальности подобного подхода его вряд ли можно считать бесспорным³³. И сейчас вопрос о причинах сохранения материнского права у двух небольших народностей центрального Ассам, которые по уровню развития не только не уступают окружающим народам, но один из них (кхаси) и значительно превосходит их, остается открытым.

Кроме исследований теоретического плана по проблемам материнского рода, опубликован (и продолжает издаваться) ряд статей, посвященных отдельным институтам и особенностям опять-таки матрилинейной организации гаро и кхаси. Чаще всего эти работы не сопровождаются теоретическими обобщениями. Они дополняют чрезвычайно ценным материалом наши сведения об общественной организации рассматриваемых народов, причем материалом систематизированным и поданным под определенным углом зрения. Так, статья Дж. Косты об обычном праве гаро дает подробную сводку всех правил и предписаний, которые управляют жизнью гаро, и описывает порядок исполнения традиционных обычаев; вместе со статьей Дж. Боза о наследовании у гаро она позволяет составить достаточно полное представление об обычном праве этого народа³⁴. Статьи Б. Мукерджи содержат очень четкое описание семьи гаро и некоторых сторон их родовой организации; того же автора интересуют и родовые группы другого матрилинейного народа Ассам — кхаси³⁵. Сравнению брачных правил тех же двух народов посвящена статья Т. Ходсона³⁶. Специальная работа по системе родства у кхаси, с приведением местной терминологии, принадлежит К. Чаттопадхьяе³⁷. Из более поздних публикаций необходимо отметить небольшую статью Пранаба Кумара Даса Гупты об очень своеобразных экономических связях одной из локальных групп кхаси — вар-кхаси с соседями, чем-то напоминающих разделение труда у некоторых южноиндийских племен³⁸.

Следует упомянуть статьи Дж. Боза, Р. Бёрлинга и некоторых других³⁹. Особое внимание этих исследователей привлекает так называемая «система нокром» у гаро. Суть системы заключается в том, что муж наследники должен всегда принадлежать к

³¹ R. Heine-Geldern, Mutterrecht und Kopfjagd im westlichen Hinterindien, «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien», 1921, Bd 50.

³² O. R. Ehrenfels, Mother-right in India, Hyderabad, 1941; его же. The dual system and mother-right in India, «Anthropos», 1940—41, Hft. 4—6; его же, Three matrilineal groups of Assam, «The American Anthropologist», 1955, vol. 57, № 2.

³³ Подробнее об этом см.: С. А. Болдырева (Маретина), Черты материнской родовой организации у гаро и кхаси (Ассам), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 65, М., 1961, стр. 183—202.

³⁴ J. Costa, The Garo code of law, «Anthropos», 1954, Bd. 49, Fasc. 5—6; J. Bose, The Garo law of inheritance, «The Journal of Anthropological Papers», Calcutta, 1941, new series, № 61.

³⁵ B. Mukherjee, Garo family, «The Eastern Anthropologist», 1957, vol. II, № 1; его же, Garo marriage and kinship organisation, «Anthropologist», 1958, vol. 3, № 1—2; его же, Social groupings among the Khasis of Assam, «Man in India», 1958, vol. 38.

³⁶ T. Hodson, The Garo and Khasi marriage systems contrasted, «Man in India», 1921, vol. 1.

³⁷ K. Chattopadhyay, Khasi kinship and social organisation, «The Journal of Anthropological Papers», new series, № 6, Calcutta, 1941.

³⁸ Pranab Kumar Das Gupta, A note on inter-ethnic relationship and certain changes in the life of the War-Khasis of Shella, «Vanyajati», 1961, vol. 9, № 3.

³⁹ J. Bose, The Nokrom system of the Garos of Assam, «Man», 1936, № 3; R. Burling, Garo cross-cousin marriage, «Man», 1958, № 7.

тому же роду, что и ее отец, и таким образом из поколения в поколение продолжает связь двух родов, совместно осуществляющих контроль за имуществом семьи. Иногда обсуждение отдельных вопросов социальной организации принимает характер дискуссий; например, по вопросу о локальности брака у гаро. Мнения двух специалистов — Ч. Накане и Р. Бёрлинга⁴⁰ разошлись: первая рассматривала наличие определенного процента патрилокальных браков у гаро как нарушение традиционного порядка, второй считал это явление не только естественным, но даже неизбежным для матрилинейной организации гаро.

Мы наметили лишь основные направления исследования социальной организации малых народов Ассама и не претендуем на приведение всей библиографии проблемы. В последние годы в самой Индии резко возрос интерес к национальным меньшинствам страны, к их формам организации и перспективам развития; из среды самих племен выходят первые этнографы — таковы исследователь кхаси Д. Рой или ао нага Тадженьюба Ао⁴¹. Время выдвигает новые требования к этнографии Индии. Горные народы Ассама переживают сейчас сложный период, когда новые веяния все сильнее проникают в их традиционные общины и взрывают веками установившийся, развивающийся по своим внутренним законам уклад. В результате в их общественной структуре происходят очень важные изменения. Оказались сдвинуты во времени многие процессы, исторически принадлежащие к разным этапам развития, у ряда народов одновременно происходит трансформация родовых институтов и разложение общины как таковой. Бурно прогрессирующий в последние годы процесс имущественного расслоения затрагивает сложившиеся в большинстве общин социальные группы и сословия, и они по-разному реагируют на нарушение традиционных установлений. Все эти новые тенденции, в их динамике и переплетении, требуют рассмотрения. Специалистам по общественному строю предстоит не только фиксировать уходящие явления первобытнообщинного строя, но и уловить то новое, что определяет современное развитие малых народов Северо-Восточной Индии.

С. А. Маретина

⁴⁰ Ch. N a k a n e, Cross-cousin marriage among the Garos, «Man», 1958, № 7; R. B u r l i n g, Garo cross-cousin marriage.

⁴¹ D. R o y, Who is a Khasi? Shillong, 1963; A o T a j e n y u b a, Ao Naga customary law, Mokokchung, 1957.

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев. *История первобытного общества*. М., 1968.

Публикация учебника по истории первобытного общества, написанного тремя известными советскими учеными, представителями трех родственных областей знания — этнографии, археологии и антропологии, является большим событием в истории советской науки. Рецензируемая нами работа — не просто учебное пособие. Это по существу первое марксистское обобщение современных знаний в области наук, мыслившихся еще Аучинным как некая единая «триада» наук о первобытном человечестве. В этом специфика источников первобытной истории, которая может изучаться лишь на основе комплекса знаний в области этих трех наук.

Во вводной части книги авторы дают четкое определение предмета истории первобытного общества — первобытнообщинной формации, первой формации в истории человечества, охватывающей огромный период от появления на земле человека и до возникновения классового общества и государства. Здесь же справедливо подчеркивается огромное мировоззренческое значение науки о первобытности и важное прикладное значение ее на современном этапе развития многих племен и народов мира.

Авторы знакомят читателя с состоянием вопроса о периодизации первобытной истории. Справедливо отмечая, что эта сложная проблема еще окончательно не решена, они делят первобытную историю на три основные эпохи: эпоху первобытного стада, эпоху родового строя и эпоху разложения первобытнообщинной формации. Этой периодизации придерживается большинство советских ученых.

В первой главе «Историография и источники первобытной истории» прослеживается развитие науки о первобытности от ее зарождения у античных греков и римлян, через средневековье, эпоху великих географических открытий и до наших дней. В ней дан критический анализ различных школ и направлений (эволюционизм, диффузионизм, функционализм и др.), возникавших в истории науки. Вскрывая методологические пороки этих школ, авторы в то же время отмечают положительный вклад каждой из них в